

ЦИФРОВАЯ МИФОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

С. И. Платонова

Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия
e-mail: platon-s@bk.ru

Аннотация. Мифологические нарративы, предлагающие разные версии цифровизации, фиксируют тем самым сложность цифровых процессов. Это делает актуальным теоретический анализ основных мифологических векторов цифрового общества. Цель статьи связана с исследованием природы, причин и целей формирования и функционирования цифровых мифов современного общества. Методология исследования основана на междисциплинарном и системном подходах. Теоретико-методологическую основу статьи составляют конструктивистский структурализм (П. Бурдьё), теории «надзорного капитализма» и «общества знания» (Ш. Зубофф, Н. Штер), концепция данноцентричной науки (Дж. Грей). В отечественном и западном дискурсах исследование особенностей мифологизации цифрового общества предпринимались А. А. Лисенковой, Г. Л. Тульчинским, С. А. Кравченко, М. Оссерваарде и др. Показано, что наряду с критическим дискурсом цифровизации существует технократический дискурс, сопровождающийся фетишизацией и мифологизацией цифровых процессов. Мифологизация цифровых процессов анализируется на основе представлений о цифровом неравенстве и способах его преодоления. Обосновано, что решение проблемы цифрового неравенства заключается не столько в развитии цифровизации, цифровой грамотности и цифровом образовании, сколько в разрешении противоречия между концентрацией цифровых ресурсов крупными платформенными компаниями, государственными структурами и отсутствием подобных ресурсов у рядовых пользователей. Показано, что мифологизация данноцентричной науки ведет к недооценке значимости теоретических моделей, гипотез, дедуктивных схем. Ведется полемика с тезисом о формировании цифрового общества как общества знания, общества равных возможностей. Определены причины мифологизации цифровых технологий: в мифологическом дискурсе цифрового общества участвуют владельцы крупных цифровых компаний и медиакорпораций, рядовые пользователи, ученые. Научная новизна статьи заключается в том, что анализ мифологических векторов цифрового общества позволяет выделить их положительные и отрицательные характеристики. Теоретическая и практическая значимость статьи состоит в обосновании возможности изучения основных мифологических трендов цифрового общества как устойчивого социального явления, обладающего признаками амбивалентности, динамичности, субъектности, универсальности. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости системного, междисциплинарного анализа цифровизации и социально-гуманитарной экспертизы политических решений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая мифология, цифровое неравенство, данноцентричная наука, общество знания.

Для цитирования: Платонова С. И. Цифровая мифология в пространстве цифрового общества // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 2. – С. 127–136. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-2-127>.

Original article

DIGITAL MYTHOLOGY IN THE SPACE OF DIGITAL SOCIETY

S. I. Platonova

Udmurt State Agricultural University, Izhevsk, Russia
e-mail: platon-s@bk.ru

Abstract. Mythological narratives offering different versions of digitalization thus capture the complexity of digital processes. This makes a theoretical analysis of the main mythological vectors of digital society relevant. The purpose of this article is to explore the nature, causes, and purposes of the formation and functioning of digital myths in

modern society. The research methodology is based on an interdisciplinary and systemic approach. The theoretical and methodological basis of this article is formed by constructivist structuralism (P. Bourdieu), the theories of «surveillance capitalism» and «knowledge society» (Sh. Zuboff, N. Stehr), and the concept of data-centric science (J. Gray). In Russian and Western discourses, the characteristics of the mythologization of digital society have been explored by A.A. Lisenkova, G.L. Tulchinsky, S.A. Kravchenko, M. Ossewaarde, and others. It is shown that, alongside the critical discourse of digitalization, there is a technocratic discourse, accompanied by the fetishization and mythologization of digital processes. The mythologization of digital processes is analyzed based on ideas about digital inequality and ways to overcome it. It is substantiated that the solution to the problem of digital inequality lies not so much in the development of digitalization, digital literacy and digital education, but in resolving the contradiction between the concentration of digital resources by large platform companies and government agencies and the lack of such resources among ordinary users. It is shown that the mythologization of data-centric science leads to an underestimation of the importance of theoretical models, hypotheses, and deductive schemes. There is a debate about the thesis of forming a digital society as a knowledge society, a society of equal opportunities. The reasons for the mythologization of digital technologies have been identified: in the mythological discourse of the digital society, owners of large digital companies and media corporations, ordinary users, scientists participate. The scientific novelty of the article lies in the fact that the analysis of the mythological vectors of digital society allows us to identify their positive and negative characteristics. The theoretical and practical significance of the article lies in substantiating the possibility of studying the main mythological trends of digital society as a stable social phenomenon possessing the characteristics of ambivalence, dynamism, subjectivity, and universality. The obtained results demonstrate the need for a systemic, interdisciplinary analysis of digitalization and social and humanitarian expertise of political decisions.

Key words: digitalization, digital mythology, digital inequality, data-centric science, knowledge society

Cite as: Platonova, S. I. (2026) [Digital mythology in the space of digital society]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 127–136. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-2-127>.

Введение

Развитие цифровых технологий, сопровождающееся трансформациями социальных институтов, структуры, субъекта, требуют основательной социально-гуманитарной экспертизы. В публикациях последних лет анализ современного цифрового общества далек от оптимистических оценок. Так, австралийский социолог Р. Хассан полагает, что процессы дигитализации сопровождаются глобальным экзистенциальным кризисом, связанным с возрастающим отчуждением человека от реального мира, «от окружающей природной среды и отношений с техникой (аналоговыми предметами)» [20, р. 179].

Критическое отношение к процессам дигитализации прослеживается в работах Т. Г. Лешкевич [8; 9]. В концепции Т. Лешкевич важно указание на формирование субъектности нейросетей, характеризующейся асимметрией «между человеческим и нечеловеческим с преобладанием non-humans» [9, с. 132]. Внимание Т. Лешкевич также направлено на трансформацию субъектности человека, на анализ основных компетенций человека в сравнении с искусственным интеллектом. Д. В. Иванов исследует формирование разнообразных форм отчуждения «между различными группами пользователей и между пользователями и цифровыми платформами» [4, с. 17]. Согласно выводам Д. Иванова, цифровизацию надо рассматривать не как инновационный процесс, технологическую инновацию, а как рутинные обыденные практики.

Социально-философский анализ дигитализации предполагает рассмотрение цифровых процессов в контексте уже существующих философских теорий. Востребованы идеи Франкфуртской школы, представленные теориями Г. Маркузе, А. Хоннета, М. Хоркхаймера, Т. Адорно [5; 14; 19; 20]. Рассматривая инструментальную рациональность, в которой разум понимается как инструмент достижения целей, Д. В. Иванов и Ю. В. Асочаков полагают, что на смену инструментальной рациональности приходит алгоритмическая рациональность [5, с. 23]. Авторы предлагают, отталкиваясь от идей Франкфуртской школы, анализировать процессы цифровизации в диалектическом ключе: учитывать диалектику эмансипации и контроля, творчества и отчуждения. Утверждается, что для понимания особенностей современного цифрового общества релевантна диалектическая концепция Маркузе, в которой рассматриваются процессы современного капиталистического общества через триаду Г. Гегеля: тезис – антитезис – синтез [5].

Теоретической основой для анализа цифрового неравенства и формирования цифрового капитала для многих исследователей является социальная теория П. Бурдьё, в которой понятия капитала, габитуса, поля являются основными [1; 16]. Исследуется роль алгоритмов в формировании цифрового габитуса [27], анализируется конвертация цифрового капитала в другие виды капитала [16; 25].

Таким образом, анализ влияния информационно-коммуникационных технологий на функционирование и развитие общества далек от оптимизма. Исследователями выделены и сформулированы не только проблемы противостояния цифрового и аналогового миров, субъектности нейросетей, формирования алгоритмической рациональности, но и проблемы внутренней противоречивости самих цифровых технологий [21].

Проблемой, однако, остается то, что значительное количество статей рассматривает информационно-коммуникационные технологии оптимистично, предлагая разнообразные пути дальнейшей цифровизации общества [1; 7; 17]. Цифровизация характеризуется как положительное явление, позволяющее выстраивать жизненные траектории, вступать в онлайн коммуникации, осуществлять навигацию, проектировать умные города, пользоваться преимуществами искусственного интеллекта. Такой некритичный анализ ведет к мифологизации цифрового общества, игнорированию принципиально новых проблем, связанных с трансформацией субъектности индивида, сращиванием человека с цифровыми технологиями; формированием цифрового неравенства и других феноменов цифровой эпохи.

Мифологизация цифровых процессов

Понятие «миф» в современной социальной теории трактуется неоднозначно и часто используется как метафора. Прежде всего, это «общепризнанный атрибут любой архаической/ древней культуры/ общества; с другой стороны, сегодня слово «миф» имеет метафорическую окраску, зачастую выступая оценочно насыщенным синонимом других понятий (идеологии, заблуждений массового сознания, нерелигиозных культов, расхожих публицистических образов» [18, с. 644].

Цифровое общество, в котором существенную роль играют виртуальные коммуникации, легко мифологизируется и создает новые мифы. Цифровую мифологию в самом общем виде можно определить как «современную форму коллективных нарративов и символов, возникающих в результате использования цифровых технологий в онлайн-среде» [26, р. 679]. В ряде публикаций отмечено, что общий подход к процессам цифровизации задается «технократическим, менеджерально-бюрократическим дискурсом», который «некритически демонстрирует оптимизм в отношении цифровизации» [5, с. 16-17].

Показательны в рамках технократического дискурса рассуждения С. А. Кравченко о двух моделях цифровизации: рационально-формальной и национально-культурной [7]. По мнению С. Кравченко, эти

модели противоположны. Рационально-формальная модель цифровизации характеризуется размыванием нормативности, порядка, дисперсией национальной принадлежности, ростом хаотизации и дегуманизации. Национально-культурная модель цифровизации, напротив, функционирует «на основе национальных и культурных ценностей и субстантивной рациональности» [7, с. 33]. Полемический пафос автора направлен против рациональной модели цифровизации, сопровождающейся угрозой «онтологической безопасности человека» и размыванием этических принципов. Как альтернатива предлагается концепция «гуманистического цифрового поворота», отличительными признаками которого является отказ от «прагматически ориентированной цифровизации» и переход к «умному управлению, гуманистическому вектору развития» [7, с. 31]. Однако, как справедливо замечают Д. Иванов и Ю. Асочаков, подобная критика цифровизации и особенно ее рационально-формальной модели, находится «в рамках менеджерально-бюрократического дискурса» [5, с. 19].

Фетишизация цифровых процессов хорошо просматривается при анализе цифрового неравенства. В исследовательской литературе утверждается, что цифровое неравенство, являясь негативной характеристикой современного общества, подлежит контролю и устранению. Отметим, что в настоящее время предложена трехуровневая модель цифрового неравенства: неравенство в доступе к цифровым устройствам, неравенство в цифровых навыках и, наконец, неравенство в получении преимуществ от использования цифровых технологий [3; 29]. В качестве шагов по преодолению цифрового неравенства предлагается развитие цифровой грамотности, навыков, инфраструктуры, предпринимательства и т.п.

С 2019 г. в России существует национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на развитие информационной инфраструктуры, цифровых технологий, искусственного интеллекта, цифровой среды, цифровой грамотности. Таким образом, предполагается, что, решив проблему доступа к цифровым технологиям и развив цифровые навыки пользователей, можно устранить цифровое неравенство и сформировать справедливое цифровое общество.

Подобные выводы отражены в статье А. М. Смирнова, который, опираясь на статистические данные по использованию интернета населением России, исследует цифровые практики пользователей в крупных городах, сельских и периферийных территориях, анализирует внедрение алгоритмического управления (портал Государственных услуг), развитие частных цифровых экосистем (компании «Яндекс», Mail.ru.

Group) и государственных цифровых экосистем (экосистема «Сбер») [17]. При этом автор выступает за дальнейшее распространение цифровых практик, положительно оценивая перспективы цифровизации.

Наиболее последовательную модель по преодолению трех уровней цифрового неравенства предлагают Е. Л. Варганова и А. А. Гладкова [1]. Авторы, отталкиваясь от трехуровневой модели цифрового неравенства, предлагают конкретные шаги по преодолению цифрового неравенства в России, подразумевающие национальное регулирование, государственно-частное партнерство, информационную безопасность и другие меры.

Вместе с тем приходит понимание того, что устранение цифрового неравенства является более серьезной проблемой, не решаемой только с помощью развития цифровых навыков населения и дальнейшей экспансии цифровых технологий. Важно оценивать перспективы использования цифровых технологий для индивидов, исследуя при этом процессы принудительной цифровизации социальных практик и отчуждения индивидов от социальных структур. Внимания заслуживает позиция Д. Иванова и Ю. Асочакова, в которой предлагается рассматривать цифровое неравенство в контексте собственников цифровых платформ и рядовых потребителей этих платформ [5]. В концепции этих авторов важно указание, что «дискурс цифровизации отражает не социальные инновации, а менеджерально-бюрократическую апроприацию (присвоение) рутинных практик виртуализации социальных процессов» [5, с. 19]. Д. Иванов показывает, что перспективы преодоления третьего уровня цифрового неравенства связаны с исследованием разрыва между теми, кто получает выгоды от использования цифровых технологий и теми, кто лишен таких выгод [4].

Для дополнения представления о преодолении третьего уровня цифрового неравенства воспользуемся предложенными А. М. Ореховым и Н. А. Чубаровым характеристиками современного общества как общества «цифрового капитализма» [13]. Опираясь на концепцию «надзорного капитализма» британской исследовательницы Ш. Зубофф, авторы характеризуют деятельность IT-корпораций и присвоение крупными цифровыми структурами персональной информации, чужих знаний, чужого частного опыта как коммерческую, основная цель которой связана с получением прибыли. «Технически и экономически IT-гиганты нарушают принципы свободной рыночной конкуренции и либерально-демократические нормы, являясь монополистами цифрового рынка и Интернета» [13, с. 267].

Таким образом, решение проблемы цифрового неравенства заключается не в мифологизации цифро-

вых процессов, а в объективном анализе информационно-коммуникационных технологий. Данный анализ предполагает изучение цифровизации не только как инновационного процесса, но и как рутинных повседневных практик индивидов, имеющих зачастую принудительный характер. Преодоление цифрового неравенства состоит не только в дальнейшем развитии цифровой грамотности, цифровых навыков, доступности к цифровым технологиям, сколько в разрешении противоречия между концентрацией ресурсов, информации крупными платформенными компаниями и государственными структурами и отсутствием подобных ресурсов у рядовых пользователей цифровых технологий.

Мифологизация и использование ложных метафор присутствуют при анализе любых социальных институтов, процессов, структур. В качестве примера рассмотрим мифологизацию современной науки и современного общества как общества знания.

Мифологизация данноцентричной науки и общества знания

Одной из характеристик современной науки является значительное увеличение объема данных и их интенсивный анализ. С точки зрения американского исследователя Дж. Грея, современная наука характеризуется формированием четвертой парадигмы, отличительной особенностью которой является использование больших данных, предполагающих их дальнейшее обобщение, аналитику, статистический анализ [28]. Наука, использующая большие данные, характеризуется как данноцентричная наука, наука интенсивных данных, наука управления данными.

Поскольку современные научные теории используют большие данные, то утверждается, что наука должна радикально измениться. Из арсенала научных средств и методов предлагается элиминировать дедуктивные схемы, теории, модели, поскольку большие данные говорят сами за себя [15]. Таким образом, основной научной методологией должны стать индукция, эмпиризм, корреляция больших данных. При этом большие данные понимаются как беспристрастные и объективные, свободные от теоретических моделей, схем, априорных допущений.

Однако многие ученые не согласны с подобными трансформациями. Такие метафоры, как «данные – это новое золото», «поток данных» (доставка данных), «интеллектуальный анализ данных» (извлечение информации из данных), «облако» (место для хранения данных) неуместны, поскольку они представляют данные как природный ресурс, заранее предоставленный и доступный для захвата, который может быть промышленно использован в ходе прогресса. Наибо-

лее последовательно критическое отношение к применению больших данных в науке демонстрируют работы Р. Китчина [22; 23].

Китчин справедливо полагает, что цели научных исследований с использованием аналитики больших данных различны для бизнеса и для научного сообщества: если бизнес ориентирован на получение прибыли, то научное сообщество нацелено на расширение знаний о мире. Понимаем ли мы на самом деле, что означает понятие «большие данные», – это основной вопрос, на который пытается ответить Китчин в своей работе «Жизнь данных: как создаются данные и как формируют наш мир» (2021) [23]. Ирландский ученый, признавая положительные эффекты цифровых технологий, полагает, тем не менее, что необходимо критически подходить к анализу и интерпретации больших данных. Акцентируется внимание на том, что данные не являются «безобидными нейтральными показателями, отражающими мир таким, какой он есть ... Наши данные могут быть использованы для расширения наших прав и возможностей, но также могут быть использованы для эксплуатации, дискриминации и преследования» [23, р. 5, 6]. Уточнения, предложенные Китчином, переносят акцент на социотехническую природу больших данных, создают концептуальную основу для критики данноцентричной науки.

Мифологизация науки, как основанной на объективных и беспристрастных больших данных, коррелирует с процессами фетишизации современного общества как общества знаний. Проблема заключается в том, что происходит отождествление знаний и информации. Важную роль в анализе противоречивости знаний и информации в современном обществе играет социальная эпистемология. Последовательный анализ амбивалентности знания, противоречивости научного прогресса в современном обществе демонстрируют работы И. Т. Касавина, А. Л. Никифорова [6; 12].

Опираясь на анализ категорий «знание» и «информация», предложенных Н. Штером, И. Касавин разрабатывает концепцию парадокса знаний в цифровом обществе [6]. Цель И. Касавина – показать противоречивость и амбивалентность знания, заключающуюся в асимметричности источников получения знания и целей использования знания бизнесом и обществом. Знание, будучи по своей природе свободным, эгалитарным, демократичным общественным благом, присваивается крупными платформенными компаниями, которые концентрируют, «огораживают» знание в своих интересах.

В настоящее время вызывает тревогу ускоренная цифровизация образования. Обучение, образо-

вание в период пандемии было вынуждено перейти на дистанционные формы и практики. Однако дальнейшая цифровизация образования продолжается и в постпандемийный период: это организация онлайн лекций, семинаров, конференций, создание дистанционных курсов. Критически оценивая цифровые практики в образовании, Е. А. Григорьева утверждает, что «цифровизация школьного образования, которая зачастую трактуется упрощенно и связывается лишь с техническим переоборудованием школы ... не приводит к ожидаемым результатам, а именно созданию новой цифровой школы и повышению эффективности образования» [2, с. 161].

Цифровизация образования связана с еще одной проблемой: можно оцифровать старые учебники, курсы, программы, но улучшится ли от такой «оцифровки» качество образования? В связи с этим важной задачей социальной теории является различение понятий «оцифровка» и «цифровизация». Эта задача становится особенно значимой в условиях дальнейшей цифровизации, сопровождающейся смешением данных понятий. Если оцифровка предполагает перевод аналогового текста в цифровой, то цифровизация связана с применением цифровых технологий. Сама по себе цифровизация еще не является признаком фундаментальных цифровых трансформаций, так как «цифровизация может привести только к оцифровке существующих институтов, в которой передовая технологическая форма маскирует морально устаревшее содержание» [13, с. 263-264].

Таким образом, в современном обществе, характеризующем как общество знаний, происходит падение авторитета знаний и, напротив, увеличение значимости цифровых компетенций, связанных с получением, использованием, распространением информации. Ценится не фундаментальное знание, предполагающее критичность и самостоятельность мышления, а «до-рефлексивная информационная всеядность» [8, с. 60].

Подытоживая сказанное, подчеркнем диалектическую взаимосвязь мифов о цифровом Просвещении с процессами цифровизации. Предполагается, что развитие цифровых навыков у социальных субъектов прямо пропорционально росту знаний, научному прогрессу, преодолению цифрового неравенства. В действительности, цифровизация ведет к противоположным процессам: обесцениваются интеллект, рациональность и критичность мышления, воображение, эмпатия, развивается цифровое неравенство. Цифровые технологии сопровождаются асимметрией и амбивалентностью: знание, информация концентрируется цифровыми компаниями и государственными структурами, что дает конкурентное преимущество перед рядовыми пользователями.

Причины мифологизации цифровых технологий

Как возникают современные мифы? Каковы основные функции цифровых мифов? Каковы последствия цифровой мифологии?

Анализ природы цифровой мифологии показывает ее двойственную, амбивалентную природу, обосновывающую с одной стороны, сохранение господствующего положения управленцев, владельцев платформенных компаний, а, с другой стороны, направленную на определенную демократизацию и децентрализацию частной жизни. В мифологическом дискурсе цифрового общества участвуют несколько субъектов: это владельцы крупных цифровых сервисов и медиа-корпораций, государственные структуры, социальные теоретики, рядовые пользователи.

Некоторые исследователи полагают, что источником ложных мифов являются крупные промышленные компании (Google, Amazon, Facebook¹ и др.), являющиеся пионерами в разработке цифровых технологий [11; 24]. Как считает М. Оссеваарде, «создатель Силиконовой долины не только разрабатывают и производят цифровые технологии, но и создают миф о цифровой трансформации» [24, р. 27]. Оссеваарде выступает за развитие герменевтической социальной теории. Задача обновленной герменевтической социальной теории заключается, во-первых, в критике антиинтеллектуальных структур и соответствующей им культуры, не склонной к знаниям, и, во-вторых, в развитии интеллектуальных способностей изучать открытый мир.

Пребывание в цифровом мире формирует потребность в его мифологизации не только у медиаструктур и цифровых платформ, но и у рядового человека. Потребность в мифологизации социальных сюжетов человеком «эпохи цифры» обусловлена неопределенностью социальных процессов, алгоритмизацией и виртуализацией жизни, экспансией цифровых технологий. «Простой человек стал мифотворцем и производителем различного уровня смыслов в соответствии со своими навыками, компетенциями и сетевой популярностью» [10, с. 29].

Можно обозначить, по крайней мере, три причины мифологизации цифрового общества:

- повседневные практики социальных акторов, конструирующие «свое цифровое пространство и свой миф» [10, с. 29];
- деятельность разработчиков и владельцев цифровых ресурсов, которая ведет к трансформации смыслов человеческой жизни;
- генерирование современных цифровых трен-

¹ Запрещенная в России социальная сеть.

дов в контексте научных исследований виртуального мира. Научные исследования цифровых процессов характеризуются неоднозначными интерпретациями цифрового мира и разными компетенциями цифрового ученого.

При этом цели мифологизации у крупного капитализма и индивидов различаются. Собственники цифровых платформ и цифровых ресурсов пытаются скрыть экономическую природу современного капитализма «как власти немногих богатых над многими бедными» [6, с. 320]. Хорошим примером современной «скрытой» эксплуатации рабочего является феномен микрозанятости, который превращает труд рабочих в некую услугу [11]. Рабочий чувствует себя на рынке труда очень неустойчиво, его статус неопределен, а зарплата минимальна. Это фрилансеры, нанимаемые крупными платформенными компаниями для подготовительной работы (например, анализ аудиозаписи, выбор фотографий или картинок), необходимой для обработки больших данных цифровыми устройствами. Трудовая деятельность носит геймифицированный характер, стирая различия между работой и игрой. Таким образом, миф о технологическом прогрессе обеспечивается напряженным трудом работников, сопровождающимся психологическим напряжением и рисками для здоровья.

Создание цифровых мифов индивидами, как правило, осуществляется стихийно, происходит через создание сообществ, интерактивные платформы, мемы. Индивиды стремятся адаптироваться к социотехническим реалиям, приспособлявая технологии к естественным ритмам человека и упрощая, таким образом, свое пребывание в цифровом мире. Цифровые мифы делают мир более простым и понятным, выступая навигацией в сложном и динамичном цифровом обществе.

Итак, цифровая мифология амбивалентна, противоречива. Осмысление цифровой мифологии позволяет выделить не только ее отрицательные, но и положительные характеристики. С одной стороны, она предлагает индивидам удобное и простое понимание цифрового мира. В данном контексте она способствует социальной сплоченности, укреплению групповой идентичности, транслируя ценности через понятные истории, сюжеты. Цифровые мифы могут не только замалчивать проблемы и противоречия современного общества, но и способствовать легитимации скрытых проблем, демократизации и децентрализации. Положительной особенностью цифровых мифов является также их ориентация на автономию и индивидуализацию, персонификацию социальной жизни. Если инду-

стриальные мифы XIX и XX веков обосновывали идеалы прогресса, рациональности, унификации, централизации, то цифровые мифы показывают значимость индивидуализации, определенной свободы индивида от влияния государства. Положительным примером цифрового мифа является сюжет, связанный с виртуальной валютой биткоином [26, р. 680]. Биткоин связывается с децентрализацией, индивидуализацией, свободой от государственных структур, он рассматривается как «инструмент освобождения», как средство для создания децентрализованной и более справедливой финансовой системы [26, р. 680].

С другой стороны, негативный вектор цифровой мифологии направлен на то, что «проект ... цифровой утопии приведет к радикальной атомизации индивидов, разрыву социальных связей, тотальному контролю и все большей коммерциализации различных сфер общественной жизни ... Все это может привести к гибели человечества, поскольку такой проект представляется онтологически сомнительным: поздний капитализм характеризуется онтологическим напряжением и конфликтами, а также рисками для жизни и здоровья человека» [11, с. 135-136]. В целом, цифровая мифология динамична, нестабильна, универсальна, глобальна, а ее формирование и распространение происходит как «сверху», от крупных цифровых компаний, так и «снизу», через интерактивное взаимодействие индивидов.

Заключение

Анализ цифровизации позволяет выявить сложность, противоречивость и неоднозначность этого

явления. Цифровизация, приводящая к существенным изменениям в функционировании и динамике общества и социальных субъектов, является комплексной и многомерной. При изучении информационно-коммуникационных технологий существует опасность одностороннего, иногда предвзятого и субъективного анализа. Таким образом, при исследовании социальных (в широком смысле) эффектов цифровизации важен системный подход, позволяющий увидеть как положительные, так и отрицательные стороны изучаемых явлений. Недооценка системного подхода приводит к появлению цифровых оптимистов и цифровых пессимистов, сторонников рационально-формальной и национально-культурной моделей цифровизации.

Для изучения дигитальных трансформаций необходим также междисциплинарный подход, объединяющий усилия представителей разных социально-гуманитарных наук: экономистов, социологов, философов, психологов, антропологов, педагогов. Требуется социально-гуманитарная экспертиза принимаемых политических решений органами власти и бюрократическими структурами. Признание фетишизации и мифологизации цифровых трансформаций – это один из важных шагов к изучению природы и особенностей современного общества. Существует необходимость в объективном и беспристрастном исследовании цифровых трансформаций, в экспликации теневых сторон цифровых технологий. Дальнейшая экспансия информационно-коммуникационных технологий должна опираться на взвешенный анализ и рефлексию научного сообщества.

Литература

1. Варганова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 3–29. – <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>. – EDN: LEKEML.
2. Григорьева Е. А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 161–163. – <https://doi.org/10.31857/S013216250017771-1>. – EDN: GTKWPQ.
3. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 108–120. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>. – EDN: VUHAGN.
4. Иванов Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 7–35. – <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. – EDN: YLSMCN.
5. Иванов Д. В., Асочаков Ю. В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 16–28. – <https://doi.org/10.31857/S013216250024389-0>. – EDN: QSVXAO.
6. Касавин И. Т. Общество знания: миграционный дискурс в плену капитала // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 314–325. – <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-314-325>. – EDN: XDIOME.
7. Кравченко С. А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. – 2022. – № 9. – С. 29–37. – <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>. – EDN: KBWGVC.

8. Лешкевич Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 53–63. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63>. – EDN: GXTQUM.
9. Лешкевич Т. Г. Проблема субъектности нейросетей: humans и non-humans // Философия науки и техники. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 125–135. – <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-2-125-135>. – EDN: BPCXPE.
10. Лисенкова А. А., Тульчинский Г. Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве // Человек. Культура. Образование. – 2017. – № 4(26) – С. 20–31. – EDN: YRFLZQ.
11. Мартыненко Т. С. Цифровая утопия: труд в эпоху искусственного интеллекта. Рецензия на книгу: Jones Ph. 2021. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso. 144 p. // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 129–140. – <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-129-140>. – EDN: QFRJNB.
12. Никифоров А. Л. Что такое научный прогресс? // Вопросы философии. – 2021. – № 11. – С. 56–62. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-11-56-62>. – EDN: CNBEGG.
13. Орехов А. М., Чубаров Н. А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 260–272. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>. – EDN: CPGPPX.
14. Пеннер Р. В., Тихонова С. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40, № 1. – С. 81–96. – <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.107>. – EDN: SAEPQO.
15. Платонова С. И. Логика научного развития: парадигма Т. Куна и четвертая парадигма Дж. Грея // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9, № 1А. – С. 144–151. – <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.038>. – EDN: TNXMAM.
16. Платонова С. И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 6. – С. 139–149. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>. – EDN: AIBXKS.
17. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1(161). – С. 129–153. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. – EDN: SZLWQF.
18. Троцук И. В., Цимбал М. В. О пользе мифологем для социологического воображения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 644–653. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-644-653>. – EDN: ZSHAKA.
19. Fuchs C. (2016) *Critical Theory of Communication: New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. L.: University of Westminster Press, 236 p. (In Eng.).
20. Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. L.: University of Westminster Press, 212 p. (In Eng.).
21. Jones Ph. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*, London. New York: Verso, 144 p. (In Eng.).
22. Kitchin R. (2014) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*. – Vol. 1. – No. 1, pp. 1–12. – <https://doi.org/10.1177/2053951714528481>. (In Eng.).
23. Kitchin R. (2021) *Data Lives: How Data Are Made and Shape Our World*. Bristol, UK: Bristol University Press, 274 p. (In Eng.).
24. Ossewaarde M. (2019) Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors. *Technological Forecasting & Social Change*. – Vol. 146, pp. 24–30. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.05.007>. (In Eng.).
25. Ragnedda M. (2018) Conceptualizing Digital Capital. *Telematics and Informatics*. – Vol. 35. – No. 8, pp. 2366–2375. – <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>. (In Eng.).
26. Rakowski R., Kowalikova P., Polak P. (2025) Digital Mythologies. *Society*. – Vol. 62, pp. 677–686. – <https://doi.org/10.1007/s12115-025-01125-5>. (In Eng.).
27. Romele A. (2020) Digital Habitus or Personalization without Personality. *Journal of Philosophical Studies*. – Vol. 13. – No. 37, pp. 99–126. (In Eng.).
28. Szalay A., Gray J. (2006). 2020 Computing: Science in an exponential world. *Nature*. – Vol. 440(7083), pp. 413–414. – <https://doi.org/10.1038/440413a>. (In Eng.).
29. Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge: Polity Press, 208 p. (In Eng.).

References

1. Vartanova, E. L., Gladkova, A. A. (2021) [Digital divide, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and political decisions]. *Vestnik Moskovskogo uiversitenta. Ser. 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10: Journalism]. Vol. 1, pp. 3–29. – <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>. (In Russ.).
2. Grigoryeva, E. A. (2022) [Digital Inequalities: Causes. Forms, Consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 2, pp. 161–163. – <https://doi.org/10.31857/S013216250017771-1>. (In Russ.).
3. Dobrinskaya, D. E., Martynenko, T. S. (2019) [Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 19. No. 1, pp. 108–120. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>. (In Russ.).
4. Ivanov, D. V. (2023) Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 3, pp. 7–35. – <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. (In Russ.).
5. Ivanov, D. V., Asochakov, Yu. V. (2023) [Digitalization and critical theory of society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 6, pp. 16–28. – <https://doi.org/10.31857/S013216250024389-0>. (In Russ.).
6. Kasavin, I. T. (2024) [The Knowledge Society: Migration Discourse Captured by Capital]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 23. No. 3, pp. 314–325. – <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-314-325>. (In Russ.).
7. Kravchenko, S. A. (2022) [The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National Cultural Model for Sustainable Development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 9, pp. 29–37. – <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>. (In Russ.).
8. Leshkevich, T. G. (2022) [The Virtual Person and Transmitting Cultural Values to the Digital Generation]. *Voprosy filosofii* [The questions of philosophy]. Vol. 3, pp. 53–63. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63>. (In Russ.).
9. Leshkevich, T. G. (2024) [The problem of subjectivity of neural networks: humans and non-humans]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 29. No. 2, pp. 125–135. – <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-2-125-135>. (In Russ.).
10. Lisenkova, A. A., Tulchinsky, G. L. (2017) [New Formats of mythologization in the space of digital communications]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. Vol. 4. No. 26, pp. 20–31. (In Russ.).
11. Martynenko, T. S. (2022) [Digital Utopia: Labour in the Age of Artificial Intelligence. Book Review: Jones Ph. (2021) *Work Without the Worker: La bour in the Age of Platform Capitalism*, London; New York: Verso. 144 p.]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 23. No 2, pp. 129–140. – <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-129-140>. (In Russ.).
12. Nikiforov, A. L. (2021) [What is Scientific Progress?]. *Voprosy filosofii* [The questions of philosophy]. Vol. 11, pp. 56–62. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-11-56-62>. (In Russ.).
13. Orekhov, A. M., Chubarov, N. A. (2024) [Digital Inequality and Digital Justice: Social-philosophical Aspects of the Problem]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 28. No. 1, pp. 260–272. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>. (In Russ.).
14. Penner, R. V., Tikhonova, S. V. (2024) [Generations of the Frankfurt School: The Genesis of Critical Theory and Its Modernity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. Vol. 40. No. 1, pp. 81–96. – <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.107>. (In Russ.).
15. Platonova, S. I. (2020) [The logic of scientific development: the paradigm of T. Kuhn and the fourth paradigm of J. Grey]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 9. No. 1A, pp. 144–151. – <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.038>. (In Russ.).
16. Platonova, S. I. (2024) [Digital inequality as a new form of social inequality]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 139–149. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>. (In Russ.).
17. Smirnov, A. V. (2021) [Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. Vol. 1, pp. 129–153. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. (In Russ.).
18. Trotsuk, I. V., Tsimbal, M. V. (2023) [On the benefits of mythologies for sociological imagination]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 23. No. 3, pp. 644–653. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-644-653>. (In Russ.).

19. Fuchs, C. (2016) *Critical Theory of Communication: New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. L.: *University of Westminster Press*, 236 p. (In Eng.).
20. Hassan, R. (2020) *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. L.: *University of Westminster Press*, 212 p. (In Eng.).
21. Jones, Ph. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London. New York: *Verso*, 144 p. (In Eng.).
22. Kitchin, R. (2014) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*. Vol. 1. No. 1, pp. 1–12. – <https://doi.org/10.1177/2053951714528481>. (In Eng.).
23. Kitchin, R. (2021) *Data Lives: How Data Are Made and Shape Our World*. Bristol, UK: *Bristol University Press*, 274 p. (In Eng.).
24. Ossewaarde, M. (2019) Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Mismatched Metaphors. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 146, pp. 24–30. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.05.007>. (In Eng.).
25. Ragnedda, M. (2018) Conceptualizing Digital Capital. *Telematics and Informatics*. Vol. 35. Is. 8, pp. 2366–2375. – <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>. (In Eng.).
26. Rakowski, R., Kowalikova, P., Polak, P. (2025) Digital Mythologies. *Society*. Vol. 62, pp. 677–686. – <https://doi.org/10.1007/s12115-025-01125-5>. (In Eng.).
27. Romele, A. (2020) Digital Habitus or Personalization without Personality. *Journal of Philosophical Studies*. Vol. 13. No. 37, pp. 99–126. (In Eng.).
28. Szalay, A., Gray, J. (2006). 2020 Computing: Science in an exponential world. *Nature*. Vol. 440(7083), pp. 413–414. – <https://doi.org/10.1038/440413a>. (In Eng.).
29. Van Dijk, J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge: *Polity Press*, 208 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Светлана Ипатовна Платонова, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия

ORCID iD: 0000-0003-2145-2041

e-mail: platon-s@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025; принята в печать: 30.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Svetlana Ipatovna Platonova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University, Izhevsk, Russia

ORCID iD: 0000-0003-2145-2041

e-mail: platon-s@bk.ru

The paper was submitted: 10.12.2025.

Accepted for publication: 30.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.